

- Глобальные риски современности как вызов ценностям модернизации на постсоветском пространстве
- Формирование кадрового потенциала органов внутренних дел: состояние и перспективы
- Денежные отношения: концептуализация проблемы
- Экологически ориентированное поведение: факторы становления

УДК 94(5)

Глобальные риски современности как вызов ценностям модернизации на постсоветском пространстве

Л. Г. Титаренко, доктор социологических наук, профессор*

В статье рассматриваются глобальные экологические и социальные риски современности во фрейме западных и российских теорий «общества риска». Доказывается, что российская теория риска О. Н. Яницкого является лучшей адаптированной к постсоветским реалиям, поэтому она должна учитываться при разработке и реализации практических стратегий модернизации постсоветских стран. Недооценка вызовов глобальных рисков представляет угрозу не только процессу модернизации в этих странах, но и принятию населением базовых ценностей модернизации, без усвоения которых невозможен переход на более высокий уровень развития общества и повышение качества жизни.

Ключевые слова: модернизация, ценности, постсоветские государства, глобальные риски, общество риска.

Global Modern Risks as a Challenge to Modernization Values on Post-Soviet Space

L. G. Titarenko, PhD in Sociology, Professor

The author discusses global and social modern risks within the frame of western and Russian theories of «risk society». It is argued that Russian theory of risk society by Oleg Yanicki is better applicable to post-soviet reality and therefore it has to be taken into consideration in planning and realization of modernization strategies of post-soviet states. Underestimation of challenges of global risks is a threat not only to the process of modernization in these countries, but also to the adoption of basic modernization values by the population. The latter makes impossible the transition to a higher level of societal development and improvement of quality of life.

Keywords: modernization, values, post-soviet states, global risks, risk society.

Для постсоветских стран актуальным является завершение процессов модернизации, которая протекает в сложных условиях глобальных кризисов, поэтому обращение к зарубежному опыту более развитых в экономическом отношении стран вполне закономерно. Переосмысление этого опыта позволяет нашим ученым включаться в социокультурный научный диалог на мировом уровне, используя теоретические наработки Запада и творчески применяя их к анализу и пониманию процессов в своих странах. Участие постсоветских стран в Европейских исследованиях ценностей (EVS) позволило рассматривать происходящие здесь ценностно-нормативные сдвиги в контексте других стран Европы, что, несомненно, дало прирост теоретического знания о постсоветских странах

и зарубежным, и отечественным социологам. По мнению сторонников такого подхода, «становление национальной российской теории предполагает преемственность мировой социологии» [1, с. 100]. По мнению В. А. Ядова, следование в русле мировых теорий также вполне оправданно: хотя социология развивается в национальной форме, по содержанию она должна подниматься на уровень более общих объяснительных схем и подходов. Адаптация теоретических концепций трансформации к российской почве, учет историко-культурных особенностей страны, находящейся на длительном этапе постсоветской трансформации, необходимы, но лишь как специфика в рамках глобальных миро-системных изменений. Следовательно, российская социология может созда-

* Профессор кафедры социологии ФФСН БГУ.

вать лишь «суб-теории российской трансформации», опирающиеся на общую «гранд-теорию» [2, с. 128].

Результатом заимствования западных идей является, однако, не культурная апроприация, а самостоятельное теоретизирование в форме научного диалога, в котором общность идей и концептов лишь подтверждает их значимость и научную ценность. Будучи эмпирически тесно связанными с национальными реалиями, российские концепции часто воспринимаются аудиторией как сугубо российские и служат фундаментом для новых традиций в российских социологических исследованиях. Так можно расценивать и концепцию общества риска, созданную О. Н. Яницким [3], — первую российскую теорию риска. Эта теория опирается на концепцию общества риска, разработанную У. Беком [4] совместно с Э. Гидденсом [5]. Книга Бека «Общество риска. На пути к другому модерну» стала бестселлером и вызвала в России и Беларуси большой резонанс. Ключевым аспектом концепции является тезис, что современное общество является обществом риска. Яницкий видел свою задачу «во вторичном анализе и обобщении отечественного материала в изложенном (т. е. зарубежном) концептуальном контексте, критически осмысливая его с помощью встречного потока теоретических обобщений» [6, с. 19]. Социология риска О. Н. Яницкого получила в России высокую оценку [7]. Позднее появились другие российские теории риска, методологически связанные с западной парадигмой риска [8].

Социология риска О. Н. Яницкого базируется на российском эмпирическом материале, осмысливает Россию в понятиях парадигмы риска, чем прежде всего и отличается от западных трактовок общества риска. «Рискология» Яницкого связана с его концепциями экологической социологии и социальных движений, в результате чего была представлена целостная картина современной российской реальности, рассмотренная под углами зрения рисков, экологии и массовых социальных движений. Она также связана с переосмыслением процесса российской модернизации.

Предложенная Яницким социология риска вмещает в себя множество аспектов рассмотрения современных рисков, трактуемых не как технические риски, вероятность которых можно рассчитывать и прогнозировать, а как социокультурное явление и потенциальная угроза. Созданная Яницким социология риска следует не только подходу, представленному Беком и Гидденсом, но и культурно-символическому подходу, развитому М. Дуглас. На основе их анализа Яницкий выделил «две линии рискологических исследований — умерен-

ную и радикальную. Сторонники умеренной полагают, что риск есть объективно существующая опасность, которая всегда опосредуется социальными и культурными стереотипами и процессами. Представители радикальной утверждают, что риск как таковой не существует. Есть лишь восприятие риска, которое всегда будет продуктом исторически, политически и социально обусловленного взгляда на мир» [6, с. 4]. Сам автор склоняется к радикальной позиции, где риск — это не побочный продукт человеческой деятельности и не результат «ошибки»: он регулярно и даже легитимно производится обществом или его отдельными группами. Человеческое общество по мере своего развития и все большей ориентации на массовое производство материальных благ сделало свою культуру двойственной — не только созидательной, но и агрессивной, продуцирующей разрушения общества и природной среды. Таким образом, культура в современном обществе не обязательно гуманистична: она может быть как созидательной, так и разрушающей.

Новое (рискогенное) качество современного общества состоит в том, что теперь любое производство становится и производством рисков, которые имманентно присущи этому процессу. На этом основании автор называет современное общество «обществом риска» [6, с. 7]. Яницкий подробно рассматривает «новую экологическую парадигму», которая еще в 1980-е гг. позволила ученым понять, что риски более не отделены от общества никакими барьерами: больше не существуют раздельно природа и общество, они соединились в единый сложный феномен. То, что раньше представлялось внешним фактором воздействия, природа, сегодня соединилось с обществом. Поэтому природные риски из внешних факторов превратились во внутренний, социоприродный фактор [5].

Российский социолог принимает теоретический вывод У. Бека о том, что природа более не является *Другим* для человеческого общества: природа и общество едины. Отсюда с неизбежностью вытекает, что человечество поставлено лицом ко всем рискам, которые связаны с разрушением природы, что сами эти риски стали социальными. Данный тезис, по мнению Яницкого, имеет огромное методологическое значение для исследования современного российского общества.

В изложении Яницкого все социальные структуры и процессы понимаются как вероятностные. Это значит, что больше нельзя рассуждать о следовании общества «по пути прогресса» — прогресс в одном оборачивается регрессом общества в другом. Абсолютного блага тоже больше нет — всегда есть цена достижения конкретного блага. Вероят-

ностный подход означает, что возникающие в обществе проблемы не могут быть решены окончательно: любое их решение, даже хорошо просчитанное, может порождать новые риски и угрозы. Поэтому никакой социальный порядок, никакая модель общественного устройства не могут трактоваться как абсолютно устойчивые и тем более как идеальные [1, с. 181]. Вслед за Н. Луманом российский автор постулирует «вторичную нормальность» рисков: это не несчастья, которых можно избежать, а неизбежное следствие вполне «нормальной» жизни, «нормального» функционирования ее институтов. Поэтому необходимо осознать: эпоха стабильности и устойчивости общества безвозвратно ушла в прошлое. Современное общество не позволяет рассчитать или предсказать всевозможные риски, которые неизбежно будут случаться в нем. Риск — это современная универсальная и нерешаемая проблема. Поэтому все попытки рационально действовать в обществе риска обречены на неудачу: само понятие рациональности действия утратило свое былое значение [9, р. IX].

Используя работы зарубежных специалистов как теоретическую основу анализа российских реалий в категориях общества риска, Яницкий показывает, что и здесь риск выступает не как побочный, а как регулярно и легитимно производимый общественный продукт. По его мнению, больше нельзя представить состояние российского общества, когда риски будут в нем отсутствовать. Риск стал неотъемлемой характеристикой жизни общества в целом и всех групп его населения, независимо от того, продуцируют ли они сами риски или становятся «риск-жертвами». Вместе с тем производство рисков всегда выгодно тем или иным социальным силам, поскольку в условиях рисков быстро формируются новые социальные размежевания и политические силы, которые осуществляют пересмотр существующей расстановки сил, стремясь к собственному усилению и навязывая свое понимание «пределов безопасности» в условиях рисков. Как считает Яницкий, Россия стала ярким примером современного «общества риска»: риски пронизывают все социальные, экономические, политические стороны жизнедеятельности, проявляются в повседневной жизни, в действиях правящих элит и простых людей. От риска никто не застрахован, поэтому доминирующими ценностями большинства людей стали выживание, безопасность и сохранение того, что уже имеется. Для сплочения такого общества необходим общий враг, поэтому в обществе появилась «осуждающая модель опасности» [1, с. 28]. Данный фактор уже не может, по мнению Яницкого, дать людям ре-

альную безопасность, но люди, не привыкшие к постоянной рефлексии по поводу себя и постоянно меняющейся ситуации в обществе, не могут быстро выработать критическое мышление, понять новую природу рисков, не могут изменить себя, чтобы более адекватно осознать риски в ответ на новые «вызовы общества». Поэтому традиционно в российском массовом сознании риски воспринимаются как трагедия, несчастье, беда [1, с. 29].

Рассуждая о массовых действиях в постсоветской России, автор вводит два понятия: *энергия социальной мобилизации*, направленная на сохранение ценностно-нормативной структуры общества и сплочение людей в решении творческих задач, и *энергия социального распада*, выплескивающаяся в межэтнических конфликтах, локальных войнах, террористических актах, убийствах и т. п., ведущая к производству все новых групп риска (беженцев, мигрантов, безработных, жертв террора), в конечном счете — к социальной деструкции и разрушению. Эмиссия энергии социального распада ведет к снижению уровня организованности всего социума вплоть до превращения социальных акторов в «отходы», к рассеиванию «полезных ресурсов» общества в среде [1, с. 33]. В такой ситуации могут формироваться риск-солидарности. Автор классифицирует их, выделяя, с одной стороны, солидарность производителей рисков, готовых агрессивно защищать свою власть всеми способами, и, с другой стороны, солидарность жертв риска, которые готовы бороться за возвращение социального порядка, отстаивание социальной справедливости в обществе, другие коллективные интересы, ничего не требуя для себя лично. Они способны мобилизовать человеческие ресурсы, пользуясь лишь легитимными средствами. В противостоянии производителей рисков и их жертв большую роль, по мнению О. Н. Яницкого, играет среда обитания человека, которая включает в себя природные объекты и акторов. Эта среда может сама продуцировать новые «вызовы» обществу, а может помогать в их преодолении до тех пор, пока сохраняется ее «несущая способность», или прочность. О. Н. Яницкий утверждает, что до начала постсоветской трансформации эта несущая способность российского общества была высокой, но к настоящему времени она значительно истощилась и перестала защищать людей от рисков. Истощенная среда сама стала продуцировать новые риски, формировать новые формы риск-солидарностей в теневых и криминальных структурах. По этой причине нынешнее российское общество обладает значительным контрмодернизационным потенциалом, препятствует

проведению любых реформ, негативно влияет на качество человеческих ресурсов общества, продвигая новые слои более низкого качества и постепенно разделяя все общество на легальное и теневое, создавая «теневой порядок», конкурирующий с властью легального правительства [1, с. 43].

Критике Яницкого подвергаются как экономические структуры, способствующие деградации страны, так и ее политические акторы, ставящие во главу угла личные и групповые интересы. Риск становится в этом обществе всеобъемлющей характеристикой, переходящей и на глобальный уровень. В теоретическом плане возникновение общества риска сопровождается пересмотром нормативного социального идеала, ведет к отказу от прогрессизма, что также снижает человеческий капитал и мобилизационный потенциал общества.

Созданная автором в монографии мрачная картина российского общества всеобщего риска получила детализацию, эмпирическую верификацию в ряде последующих публикаций — о российских пожарах, социальных движениях, экологических катастрофах, войнах за ресурсы в XXI в. и т. п. [10] [11].

Когда в конце первого десятилетия нового века власти России выдвинули на первый план задачу модернизации, О. Н. Яницкий подверг глубокому анализу возможности ее реализации, используя парадигму «общества всеобщего риска» в качестве теоретико-методологической основы анализа. Он исходил из того, что условий для модернизации по западным образцам в России нет, поскольку страна только начинает переход от индустриальной стадии к информационной, тогда как на Западе «вторая модернизация» в основном завершилась уже в 1990-е гг., а в 2000-е гг. развернулись публичные дискуссии о том, как максимально приспособить новейшие технологии для нужд социальной и культурной жизни этих стран, как вовлечь в этот процесс все население. Иначе говоря, модернизационные изменения обсуждались и регулировались на основе диалога и консенсуса власти и общественности. Движущей силой «второй модернизации» были социальные движения гражданского общества: они несли обновление, защищая права и свободы человека, поддерживая нематериальные ценности и окружающую среду [12].

В условиях кризиса теория модернизации должна рассматривать социально-экономические и экологические риски как вызов. Использование и эмпирическое тестирование методик оценки модернизации, разработанных в зарубежных теориях, помогает понять тренды модернизационного развития на постсоветском пространстве.

Яницкий выдвинул для анализа российской ситуации гипотезу, названную им парадоксом «*риска-*

симметрии» модернизации: «Коль скоро российское общество вступило на путь модернизации по западному образцу, не только его продвижение вперед, к последующей фазе, но и отход назад, то есть демодернизация, и даже просто “стояние” на этом пути чреваты интенсификацией производства рисков. Демодернизация столь же рискогенна, сколь и недостаточно отрефлексированный переход к следующей фазе. Это — фундаментальная закономерность развития техногенной цивилизации: чем более мир нашей жизни становится искусственным, рукотворным, тем более он нуждается в уходе, “профилактике” поддержания ее в рабочем состоянии» [12]. Предложенный Яницким подход к оценке возможностей и ценностей модернизации приложим не только к России, но и к Беларуси, так как понимание природы рисков, распространение в массовом сознании белорусских граждан экологических ценностей, активная защита окружающей среды, формирование экологической культуры — необходимые условия дальнейшей модернизации и белорусского общества [13].

Сущностным моментом данного подхода является утверждение, что риски, явные и скрытые, отложенные или трансформировавшиеся, — очень серьезное ограничение любых модернизационных усилий. Причин этому много: (1) все больше ресурсов требуется на устранение последствий рисков; (2) люди болеют, рано умирают, молодежь стремится убежать из рискогенных зон, что снижает качество человеческого капитала населения страны или региона; (3) страх риска стимулирует в регионе торговлю живым товаром и рабство, т. е. худшие проявления алчности криминального бизнеса; (4) создается атмосфера неопределенности и непредсказуемости, потому что никто не может дать точный прогноз, когда случится очередная авария, подобная тем, что были в Чернобыле или на Саяно-Шушенской ГЭС.

Заслуга российской парадигмы общества риска, разработанной О. Н. Яницким, в том, что автор, используя эвристический потенциал западной парадигмы риска, раскрыл разнообразные источники рисков в российском обществе, показал природу новых рисков как неустраняемых в современном обществе ввиду его высокой сложности и отсутствия в нем интегрирующих все социальные группы интересов и ценностей, дал жесткую критику существующему положению в России и показал, какие факторы и почему подрывают модернизационный потенциал общества.

Таким образом, модернизация понимается сегодня в России как «переход цивилизованного общества к новым способам создания основных

средств жизнедеятельности с новыми их качествами» [14, с. 6]. Нынешняя российская модернизация связана с поиском своей собственной модели развития и желанием властей сделать страну высокоразвитой постиндустриальной державой.

Яницкий доказал, что модернизация России и других постсоветских стран по западному образцу не может быть успешной, но может породить новые риски. Однако и отказ от модернизации уже невозможен, так как он сам является рискогенным. Данный российский парадокс, осмысленный в рамках парадигмы риска, привел автора к необходимости сделать вывод: всякие современные риски существенно ограничивают любые модернизационные усилия, так как требуют огромных ресурсов и на их реализацию, и на устранение непредсказуемых негативных последствий рисков. Даже успешная модернизация, которая бы интегрировала Россию в западный мир, будет рискогенна, так как она может подтолкнуть молодежь к массовому выезду в более развитые страны Запада, как это случилось в Центральной Европе [12]. Опираясь на творческое использование зарубежных концепций рисков и модернизационных ценностей, Яницкий считает необходимым разработать социально-гуманитарную модель модернизации России, ориентированную на развитие интеллектуального потенциала личности. По мнению Н. И. Лапина, главным критерием современной российской модернизации является ее человеческое измерение, а ее функциями — безопасность государства и общества, устойчивое функционирование всех их структур, повышение качества жизни населения до средневропейского [15, с. 10—11]. Новизна такого подхода состоит в интерпретации культурной разнородности ценностей россиян как «толерантного симбиоза», сформированного жизненным миром российского общества в ответ на аксиологический вызов глобализации.

Те же тренды, что проявляются в Китае, имеют место и в России: на втором этапе модернизации усиливается неравномерность этого процесса, когда одни регионы страны вступают в постиндустриализм раньше других. Возникает необходимость координации и интеграции усилий страны по достижению более высокой конкурентоспособности и повышению уровня жизни населения [16, с. 4]. Необходимо выявить наборы ценностей, определяющие каждую ступень, разработать кри-

терии их замера в эмпирическом исследовании, а затем, проводя исследования в мониторинговом режиме, отслеживать ход модернизации по регионам, сокращая разрывы в развитии этих регионов. Решение этой задачи означает практическое плодотворное продолжение диалога культур.

Список цитированных источников

1. Качанов, Ю. Л. К социологии социологической теории / Ю. Л. Качанов // Социс. — 2001. — № 1. — С. 97—101.
2. Ядов, В. А. По поводу статьи А. И. Малинкина / В. А. Ядов // Социс. — 2006. — № 8. — С. 126—129.
3. Яницкий, О. Н. Социология риска / О. Н. Яницкий. — М., 2003.
4. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity / U. Beck. — London, 1992.
5. Beck, U. Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order / U. Beck, A. Giddens, S. Lash. — Stanford, 1994.
6. Яницкий, О. Н. Социология риска: ключевые идеи / О. Н. Яницкий // Мир России. — 2003. — Т. XII. — № 1. — С. 3—35.
7. Давыдов, А. А. Рецензия на книгу О. Н. Яницкого «Социология риска». — М., 2004 / А. А. Давыдов // Социс. — 2004. — № 4. — С. 149—154.
8. Кравченко, С. А. Социология риска: полипарадигмальный подход / С. А. Кравченко, С. А. Красиков. — М., 2004.
9. Luhmann, N. Risk: A Sociological Theory / N. Luhmann. — New York, 1993.
10. Яницкий, О. Н. «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы / О. Н. Яницкий // Социс. — 2012. — № 1. — С. 67—76.
11. Яницкий, О. Н. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории / О. Н. Яницкий // Социс. — 2013. — № 3. — С. 50—59.
12. Яницкий, О. Н. Социальный коридор российской модернизации / О. Н. Яницкий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_modern_2.html. — Дата доступа: 25.05.2015.
13. Зеленков, А. И. Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни [Электронный ресурс] / под ред. А. И. Зеленкова. — Минск: БГУ, 2011. — Деп. в ГУ «БелИАС» 31.05.2011, № Д201113.
14. Лапин, Н. И. Социальноэкономическая и социокультурная модернизация регионов России / Н. И. Лапин // Социс. — 2015. — № 1. — С. 5—10.
15. Лапин, Н. И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социс. — 2014. — № 7. — С. 8—19.
16. Лапин, Н. И. Изменение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии / Н. И. Лапин // Социс. — 2012. — № 9. — С. 4—24.

Дата поступления в редакцию: 14.03.2016 г.